

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.039

УДК 39(=512.15) + 398.22 + 821.52.15

М. Т. Сатанар*Северо-Восточный федеральный университет**им. М. К. Аммосова*

Якутск, Россия

ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ЯКУТСКОМ И ШОРСКОМ ЭПОСЕ

Актуальность обращения к данной теме обусловлена необходимостью системного исследования природы мифологического сознания, вызванного усилением тенденции признания мифа как действенного духовного инструмента, имеющего гуманистическую ценность. Статья посвящена исследованию особенностей пространственно-временной организации эпических миров якутских и шорских сказаний. Пространство и время служат основополагающими категориями, моделирующими картину мира народа. Предметом настоящей статьи является мифологический хронотоп, т. е. миромоделирование в эпических традициях якутов и шорцев. Выявляются и анализируются элементы мифопоэтических воззрений, которые обнаруживаются в сюжетных мотивах, в глубоких пластах фольклорных текстов, в архаическом чувственном восприятии древних людей. Целью исследования является выявление сходств и различий в мифологическом миромоделировании якутских и шорских эпических сказаний. В работе применяются сравнительно-типологический подход, методы описания, герменевтики, моделирования, структурно-семантический анализ. Автор делает вывод, что в якутской и шорской эпических традициях наблюдается единый принцип миромоделирования эпических пространств, общая логика мифологической географии, при этом в процессе сравнения анализируемых текстов, на фоне достаточно стройной мифологической системы якутского эпоса обнаруживается шорская система с признаками отражения отдельных черт архаичного мифа, содержащая очень древние элементы, свидетельствующие о более ранней стадии традиции и характеризующиеся большей обнаженностью смыслов. Тем больший интерес будут представлять для дальнейших сравнительных исследований новые издания шорского эпоса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: олонхо; шорский эпос; мотив; эпическая формула; хронотоп; Средний мир; Верхний мир; Нижний мир; Солнце; Луна

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

Ц и т и р о в а н и е: Сатанар М. Т. Особенности мифологического хронотопа в якутском и шорском эпосе // Известия Уральского федерального университета.

Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 259–279. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.039>

Поступила в редакцию: 30.04.2020

Принята к печати: 15.04.2021

Marianna T. Satanar

*Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia*

FEATURES OF THE MYTHOLOGICAL CHRONOTOPE IN YAKUT AND SHOR EPOS

The relevance of this topic is conditioned by the need for a systematic study of the nature of mythological consciousness caused by the growing trend of recognising myth as a powerful spiritual tool possessing humanistic value. This article studies the features of the spatial and temporal organisation of the epic worlds of Yakut and Shor tales. Space and time serve as fundamental categories that model the world of nations. The subject of this article is mythological chronotope, i. e. world modeling in the epic traditions of the Yakuts and Shors. The author identifies and analyses elements of mythopoetic views expressed in plot motifs, which are deep layers of folklore texts related to the archaic sensory perception of ancient people. The author aims to demonstrate similarities and differences in the mythological world-modeling of the Yakut and Shor epics. The paper employs a comparative typological approach, using methods of description, hermeneutics, modeling, and structural and semantic analysis. The author concludes that in the Yakut and Shor epic traditions, there is a single principle in the world modeling of epic spaces and a common logic of mythological geography. At the same time, the comparison of texts in question demonstrates that while there exists a fairly harmonious mythological system of Yakut epos, the Shor system bears signs of reflection of certain features of the archaic myth, containing very early elements indicating an earlier stage in the tradition, and characterised by a greater transparency of meanings. As a result, new editions of Shor epos are going to be even more interesting for further comparative studies.

Key words: Olonkho; Shor epos; motif; epic formula; chronotope; Middle world; Upper world, Lower world; Sun; Moon

Acknowledgements

The study was carried out as part of the North-Eastern Federal University research project “Epic Monument of the Yakut Intangible Culture: Textological, Typological, Cognitive, and Historical-comparative Aspects”.

For citation: Satanar, M. T. (2021). Osobennosti mifologicheskogo khronotopa v iakutskom i shorskom epose [Features of the Mythological Chronotope in Yakut and Shor Epos]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 259–279. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.039>

Submitted: 30.04.2020

Accepted: 15.04.2021

Введение

Любой тип дискурса подразумевает явное или скрытое наличие пространства и времени как основных категорий мышления человека. Восприятие эпической действительности, организация сюжетно-композиционной структуры текстов обеспечивают эти характеристики [ЛЭС, с. 487]. Закрепление в понятийном аппарате гуманитарных наук термина *хронотоп* принадлежит М. М. Бахтину, который понимал его как неразрывную связь и обусловленность пространственно-временных отношений [Бахтин, с. 234]. Пространственно-временные представления, являющиеся основой мифологической картины мира, С. Ю. Неклюдовым обозначены как *мифологический хронотоп* [Неклюдов, с. 12]. По В. Н. Топорову, события, происходящие в мире мифопоэтического сознания, определяются *мифопоэтическим хронотопом*, при котором сами события «хронотопичны по своим истокам» [Топоров, 2010б, с. 322]. Понятие хронотопа освещается в научных изысканиях многих исследователей (П. А. Флоренский, В. Я. Пропп, В. М. Гацак, А. В. Кудияров, Б. Н. Путилов и др.), для которых характерно применение разных терминов: *хронотоп*, *топос*, *локус*, *хроноакт*. Принято считать, что представления о пространстве генетически являются более ранними, чем о времени [Мелетинский, с. 217]. Мифологическое пространство неоднородно, для него характерно членение по горизонтальной и вертикальной оси координат. Мифологическому времени свойственно иметь линейный или дискретный характер. При этом «пространство осознается в передвижении, а время осмысливается в абстракции (счет)» [Пропп, с. 152].

Исследованию хронотопа в якутском эпосе олонхо посвящены труды А. В. Кудиярова [Кудияров, 2002], Л. Н. Семеновской [Семенова, 2006], Л. Л. Габышевой [Габышева, 2009] и др. Значительный вклад в исследование шорских мифологических воззрений и, в частности, в изучение пространственно-временной организации шорского эпоса был внесен Н. П. Дыренковой [Дыренкова, 1940], А. И. Чудояковым [Чудояков, 1995], Л. Н. Арбачаковой [Арбачакова, 2001], Г. Ф. Благовой [Благова, 2006], Д. М. Токмашевым [Токмашев, 2012] и др.

В качестве материала исследования избраны тексты олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П. П. Ядрихинского [2019] и «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева [1996], а также тексты шорских эпосов «Кан Перген» и «Алтын Сырык» П. И. Кыдыякова [ШГС]. Для автора было важно, что эти эпические тексты записывались со слов сказителей фольклористами П. Н. Дмитриевым, В. В. Илларионовым, А. И. Чудояковым в одно время, в период с 1967 по 1975 г., и расцениваются исследователями как лучшие образцы национального эпического жанра. Согласно замечанию А. Т. Хроленко, именно своеобразный фольклорный язык становится средством познания национальной ментальности [Хроленко, с. 24]. В эпосах народов пространственно-временные отношения, вырабатываясь языковым сознанием, концептуализируются по-разному, и в каждой национальной культуре они помогают конструировать свою особую модель мира [Невская, с. 3]. Итак, нас интересуют сходства и различия мифологических

представлений в текстах якутского и шорского эпосов в ракурсе пространственно-временной организации, выявление форм их взаимосвязей на уровне эпических мотивов. При вычленении сюжетных мотивов автор придерживается положения Б. Н. Путилова о том, что «сюжет движется не просто мотивами, а сцеплениями нескольких мотивов, называемых блоками» [Путилов, с. 187], для достижения максимальной синхронизации мотивов различных эпосов.

Мотивы эпического времени, сотворения мира

Уже с первых строк построения сюжетной линии якутских сказаний возникает идея «в начале тех стародавних времен», когда еще ничего не было сотворено, где время предстает как категория упорядоченного начала:

Далеко за вершинами
Древних лет тревожных,
Давно за хребтами
Стародавних дней бранных,
За далями дальними
Миновавших времен беспокойных,
Когда три саха еще не появились,
Пять саха еще не расселились...

(«Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта»)
[Ядрихинский, с. 27, стк. 1–8]

В зачине якутского текста, не затрагивая тонкостей пространственных понятий, концептуализируется упорядоченно абстрагированная категория – время. В архаичном сознании подчеркивается наличие рубежа, содержащего сообщение о начальном времени, некогда «предшествовавшего началу отсчета исторического времени» [Топоров, 2010а, с. 173], тем самым качественно отделяющего отношения между мифическим и историческим временем, сакральным и профанным временем.

Такое же начало фиксируется и в шорском эпосе, с акцентом «когда всё только начинало сотворяться»:

Давно-давно это было, оказывается...
Когда впервые земля и вода разделялись,
Когда земля сотворялась, тогда было, оказывается.
Когда мешалкой землю делили,
Когда камысом воду делили,
Когда на березах-деревьях, проклевываясь,
Лист выходил, тогда было.

(«Алтын Сырык») [ШГС, с. 323, стк. 1, 4–9].

Как видно из примеров, тема «времени первотворения» является общей для вступительных формул эпосов. Как отмечает Е. Н. Кузьмина, такие «типичские места» («общие места»), которые играют важную роль в сюжетосложении

эпосов, являются клишированными в эпосах народов Сибири [Кузьмина, с. 4]. Ни в одном из текстов не упоминается, кто является мироустроителем, но он предполагается, судя по «технологическому» аспекту космогонического акта. В обеих традициях улавливается единая внутренняя направленность — наличие логики космогонических действий. Продолжим цитировать фрагмент зачина олонхо:

Эта важная-прославленная,
Восьмикрайняя, восьмигранная,
Со спорами-раздорами,
Красивая-нарядная,
Изначальная мать-земля
Назначена-сотворена была, говорят.

[Ядрихинский, с. 27, стк. 9–14]

При этом «событийная» канва позволяет предположить, что в первотворении сделан намек на наличие создателя:

Когда впервые мир-народ сотворялся.
Когда на тополе-дереве распускаясь,
Впервые лист появлялся, тогда было.
Когда впервые весь народ сотворялся,
Когда впервые зеленая трава выростала,
Когда впервые зеленый соловей запел.
Нарядная, с семьюдесятью перевалами золотая гора выросла.

[ШГС, с. 323, стк. 10–16]

Следовательно, подразумевается и наличие акта творения. Исходя из этого предполагается, что была все-таки некая сила — энергетическая и разумная, которая и явилась первопричиной вселенского процесса.

Важно заметить, что в приведенном первом фрагменте шорского мотива наличествует архаический пласт свернутого мифологического клише в виде «когда мешалкой землю делили, / когда камысом воду делили», аналогичное более развернутому варианту мотива сотворения мира в олонхо:

Госпожа мать-земля моя,
величиной с пятку серой белки будучи,
расширяясь-растягиваясь,
разрастаясь, рождалась;
подобно вывернутому,
мягкому, как замша, уху
двухгодовой важеньки
растопыриваясь во все стороны,
постепенно увеличилась, оказывается...

[Каратаев, с. 77–79, стк. 27–35]

В шорском варианте процесс космогенеза представляется в виде оппозиций «земля — вода», являющихся первостихиями материального мира. Судя

по космогоническим мифам многих народов, именно для последнего компонента (воды) характерна первичность, соответственно, иллюстрированный вариант оппозиции означает противопоставление «порядок – хаос». В якутском варианте описание увеличения земли, по классификации С. Ю. Неклюдова, указывает на события, относящиеся к эпохе «расширяющейся Вселенной». Космогенез оформляется посредством оппозиций «хаос – космос», «тьма – свет», «пустота – вещество», «покой – движение», «точка – расширение пространства», их постепенного изменения и перехода. Оба варианта, отражающие отделение суши от воды и неба от земли, восходят к свернутой серии «хаос – порядок».

С позиций общих концепций тюрко-монгольской мифологии показателен фрагмент шорского эпоса:

Алтын Кан услышал:
С вершины золотой горы с семьюдесятью перевалами
Богатырский крик по всей четырехугольной Вселенной,
По всему богом сотворенному белому свету
Оттуда разносится.

[ШГС, с. 339, стк. 344–348]

Такая же концепция (что земля была похожа на четырехугольный коврик *тэллэх*) фиксируется и в якутской традиции [Гоголев, с. 95].

Если дальше развивать эту концепцию в ракурсе качеств Среднего мира, то можно установить, что он в обоих вариантах представляется плоским, что обуславливается эмпирическим восприятием мира, отраженного в словосочетаниях *обширной белой поляны* (в якутском варианте) и *бескрайней синей степи* или *черной степи, что взглядом не охватишь* (в шорском варианте). Исследователь шорских сказаний Д. М. Токмашев утверждает, что такая тенденция служит индикатором наиболее развитого эпоса, «преодолевшего» миф [Токмашев, с. 48]. Вместе с тем тексты шорских эпосов изобилуют описаниями многослойности земли:

На тверди земли золотой дворец вознесся.
Низ его в шестидесятом слое [земли],
На шести ногах он поднимается.
С верха его, [выше] трех небес,
Три бахромы спускаются...
Низ золотой коновязи для привязи коня
В тридцатом слое [земли],
На тридцати корнях она поднималась, оказывается...

[ШГС, с. 323–325, стк. 28–32, 36–38]

При этом интересно точное указание границы между земным и подземным мирами. Приведем отрывок речи Кара Салгына — посланника Нижнего мира, обращенного к Алтын Сырык:

Когда три творца этим именем тебя нарекли,
Весь до нашей земли дошла.

Когда об этом мы услышали, в нашем мире,
Который под девяностым слоем земли находится,
Все богатыри собрались, — сказал.

[ШГС, с. 347, стк. 525–529].

Число *три* в тексте функционирует в качестве фольклорной универсалии, характерной для тюркских народов [Кудияров, с. 185]. Верхний мир в якутском олонхо воспевается так:

Когда это восьмиярусное
Желтое-белое небо
Еще только создавалось,
Уха оленя лысого
С обрезок-чэчээ было,
Бесконечно расстилаясь,
Безмерно возгордясь,
Расширяться оно начнет,
Небосвод пошатнется опасаясь,
К девятилучистому
Отменному солнцу белому
Поводьями подвязали.

[Ядрихинский, с. 29, стк. 48–59]

Сакральное число *девять* является производным числа *три* [Кудияров, с. 185]. В олонхо по отношению к небесной сфере устойчиво наблюдаются сочетания эпических числительных *ус* «три», *сэттэ* «семь», *абыс* «восемь», *тобус* «девять» [Избекова, с. 30]. Подробный структурно-семантический анализ точных количеств слоев различных ярусов небесного пространства проведен автором статьи [Сатанар, Илларионов, 2017, с. 571–573], в результате чего были выявлены трехслойность первого, семислойность второго, восьмислойность третьего, девяти-слойность четвертого небесных уровней. Приведем пример из шорского эпоса:

На высоте трех небес
Белая нить натягивается.
Лучшие из коней, приближаясь, бегут,
У основания сорока небес скачут.

[ШГС, с. 305, тирада 73, стк. 11–14]

Заметим, что особенностью сказания «Кан Перген» сказителя П. И. Кыдыякова является характер его исполнения — сочетание стихов с музыкальным сопровождением на инструменте комус. Указанные во фрагменте варианты количества небес не единственны, в эпосах встречаются *семь*, *девять*, от *шестнадцати* до *девятнадцати*, *тридцать*, *сорок*, а то и *семьдесят* небес. Принято считать, что представления о множественности небесных слоев заимствованы из шаманской космогонии [Дыренкова, с. 377]. В якутской традиции форма небес в текстах предстает как куполообразный свод, в шорской — как полусфера,

накрывающая четырехугольную землю. Понятие многослойности Нижнего мира в олонхо отсутствует, в шорских традициях оно устойчиво функционирует преимущественно в виде семи и девяти слоев.

В текстах олонхо наличествует пантеон светлых божеств с достаточно стройной структурой, количество и имена которых варьируются в эпосах, а функциональные характеристики константны. В текстах шорского эпоса нет категорий различных божеств, персонифицированных образов сил природы, отсутствует и образ первопредка. В «Алтын Сырыке» в кульминации первого звена сюжета присутствует мотив встречи главного героя с тремя творцами, а далее и в мотиве сватовства друга главного героя Алтын Шаппы фиксируется эпизод с девятью грозными богами, при этом образы богов более не развиваются.

Мотивы родной окраины, жилища

В начале целесообразно указать на единый сказительский прием — описание происходящего ведется от имени сказителя путем «оглядывания» по сторонам, согласно принципу «взора, помещенного вовнутрь событий» или «наблюдения извне», и сопровождается «формулами достоверности» [Семенова, с. 40] типа «так это было», «оказывается», «если присмотреться, то...» и т. д.

Во вводном описании олонхо важной темой, структурирующей мифологическое пространство, является описание образа Мирового древа, определяющего ключевые параметры системы. Известно, что неотъемлемой чертой архаического мышления является моделирование по принципу «тождества», согласно которому конструируется не только космическое пространство, земля, но и другие пространственные элементы [Топоров, 2010а, с. 12]. Они вводятся последовательно при горизонтальном развертывании пространства. Так, страна героя, родной *алаас* (*алаас* — луговое или полевое пространство, окруженное лесом [Пекарский, стлб. 67]), усадьба, коновязь, жилище, очаг находятся на самой середине эпического пространства, центры которых совпадают с сакральным центром мирового древа:

Увидим-узрим —
 Этого мира срединного
 На загровке возвышающемся,
 На холке его высокой,
 На лоне обширном,
 В центре непоколебимом,
 В середине самой
 Поле величественное находится...

<...>

В середине поля безбрежного,
 Где солнце встает,
 Эта долина светозарная
 Стоит, оказывается, друзья!

[Ядрихинский, с. 31, стк. 96–103, 106–109]

Вводное описание природы в шорском эпосе отличается отсутствием мифологического образа мирового древа, которое сразу заменяется образом родовой горы, представляющей аналогом древа, соответственно, восходящей к мифологическому трехчастному делению:

Нарядная, с семьюдесятью перевалами золотая гора выросла.
Золотую гору с семьюдесятью перевалами
Рассекая, по ложбине спускался,
Пробиваясь, поток воды,
Деять поворотов делая,
Рассекая [гору], спускался, становясь золотым морем.
У золотого моря,
Друг друга тесня, улус-народ
Жил, оказывается.
У подножья золотой горы с семьюдесятью перевалами,
Друг другу на хвосты наступая, словно морская галька
Табуны лошадей рассыпались.

[ШГС, с. 323, стк. 16–27]

Описание стандартно для всех шорских эпосов с незначительными вариативными трактовками, касающимися цветовой символики горы (черная, белая, серебряная, зеленая и т. д.). В текстах обязательно постулированы элементы горы, отражающие вертикальную доминанту мира, множество перевалов, отражающих горизонтальное членение мира, а также расположение стойбища у подножия горы, наличие скота. Характеристика пространства задается оппозициями «гора – море», «статика – динамика», «вертикаль – горизонталь». Интересно дальнейшее вещественное наполнение эпического пространства. При постепенном развертывании Вселенной с четырьмя направлениями в мотиве описания местности упоминается, что:

У подножья черной горы белый скот пасется, оказывается.
Посередине улуса-народа
На пуп черной земли опираясь,
Бахромами на небесах красуясь,
Луны и солнца свет отражая,
Золотой дворец стоит.

[ШГС, с. 263–264, тирада 2,9 стк. 10–15]

Во фрагменте указание на «пуп земли» отражает качественную установку мифологического сознания на изоморфизм образа мироздания и человека, при котором центр земли соотносится с названием центрального элемента человеческого тела – пупком. Такая метафорическая перекодировка констатируется и в якутском олонхо (см. выше).

Повторим, что для текстов олонхо характерно уподобление жилища-балагана богатыря пространственной модели космоса, где четыре стороны якутского балагана соотносятся с четырьмя сторонами света:

Боясь, что пошатнется,
С южной стороны
Из девяноста лиственниц молодых
Подпорку поставили;
Думая, что разойдется,
С западной стороны
Из восьмидесяти лиственниц толстых
Опору прочную соорудили;
Считая, что сплющится,
С северной стороны
Множеством лиственниц,
Крепко-накрепко подперли;
Опасаясь, что накренится,
С восточной стороны
Семьюдесятью столбами,
Чтобы не качалось,
Глухо-наглухо сколотили.

[Ядрихинский, с. 71, стк. 848–864]

Здесь приведена лишь незначительная часть фрагмента в силу невозможности представления полного текста (описание жилища вместе с элементами внутреннего убранства занимает 235 стихотворных строк). Но мы напомним, что олонхо изобилует калейдоскопом множества знаков: так, в оформлении эпических формул, описывающих жилище богатыря, участвуют помимо пространственного кода еще цветовой, географический, зооморфный, геометрический, а также имплицитивный числовой коды. В рассмотренных нами шорских эпических сказаниях устойчиво употребляется формула «четыре угла света» в сокращенном варианте, без детализирующих элементов. Вот как прощается богатырь Кан Перген со своим золотым дворцом:

«До моего возвращения, четыре угла дворца моего,
Невредимыми-целыми стойте», — сказав,
Четырем углам поклонившись,
Славный, одинокий Кан Перген
Из золотого дворца шагом вышел.

[ШГС, с. 264–265, тирада 4, стк. 1–5]

Такая формула является стереотипной для большинства эпических текстов древнетюркских народов [Габышева, с. 27]. Добавим, что стилистическая фигура идеи прочности постройки, выполняющей защитную функцию, имеется в обоих текстах: в якутском варианте, благодаря многократно повторяющимся напоминаниям и усилениям устойчивости путем перечисления многих частей постройки, эта идея доминирует в сравнении с шорским эпосом, где все предельно лаконично:

Рядом с дворцом золотым
Коновязь золотая стоит.

За всю жизнь, отцом данную,
Ни один конь ее не выдернет.

[ШГС, с. 264, тирада 2, стк. 16–19]

В шорском варианте основную нагрузку идеи прочности берет на себя именно цветовая символика. Заметим, что фрагмент текста свидетельствует об оседлом образе жизни героя, о том, что «в фольклоре спрессовались несколько исторических состояний» [Аникин, с. 228–278].

Излюбленным объектом воспевания в олонхо является образ домашнего очага, семантика которого также восходит к образу священной вертикали, при котором дым-жар очага предстает скрепляющим миры элементом, тождественным кроне и корням Мирового древа, и поэтому очаг становится символом «несанкционированного» входа-выхода жилища, понимаемого как самый уязвимый участок, содержащий угрозу. Приведем отрывок олонхо, иллюстрирующий речь умирающего богатыря *абаасы* Нижнего мира:

«Убив меня,
счастье свое возвысишь ли — неизвестно.
Когда твоей дочери
ножницами играть время настанет,
когда твоему сыну
стрелами забавляться время придет —
из-под очага твоего,
черным сквозняком обернувшись,
я вынырну!» — сказал.

[Каратаев, с. 183, стк. 2247–2255]

Шорский эпос не стремится к детализации составных элементов, очаг жилища местами упоминается в текстах эпоса в виде семантического маркера благополучной жизни, символа мирной жизни. Приведем прощальную речь Кан Пергена, обращенную к Кок Торгу:

— Пусть очаг твой, Кок Торгу, не погаснет,
Кровь твоя не иссякнет, — сказал.
Приветствиями обменявшись,
Славный Кан Перген
Из золотого дворца шагом вышел.

[ШГС, с. 270, тирада 15, стк. 21–25]

Или, например, вот как отвечает Алтын Сырык на вопрос Кара Шмелдей:

Куда бы я мог ехать? К Кан Сулазыну,
Каменные очаги его разрушить,
Море-золу его развеять я еду.

[ШГС, с. 355, стк. 719–721]

Специфика якутского мифологического пространства заключается (в некоторых случаях), в изоморфности вертикальной и горизонтальной ориентировок: в северном направлении расположены *абаасы* Нижнего мира, на восточной стороне (а иногда на южной) — светлые божества *айыы*. Отсюда берет начало традиционное якутское мировоззрение о тождестве понятий «вниз по течению означает север», «верх значит юг». Данный изоморфизм обозначается символом креста, отражающего сразу две ориентации в единой конструкции — при вертикальном расположении символизирующего мировое древо, при горизонтальном же — четыре стороны света [Косарев, с. 208]. Эксплицитное позиционирование с использованием геометрического кода обнаруживается и в шорском эпосе. Приведем фрагмент мотива сватовства, где описываются конные скачки за отпущенной богами-творцами синей стрелой с девятью перьями:

Конь бело-серый и конь бело-сивый
 За синей стрелой с девятью перьями
 Гнались и гнались.
 Четырехугольную эту Вселенную
 Четырежды крест-накрест они пробежали.

[ШГС, с. 397, стк. 1627–1631]

Далее повествуется и о *девяти*, и даже о *тридцати* повторных движениях «крест-накрест». Очевидно, что если стрела выпущена богами, то речь идет не только о горизонтальной, но и о вертикальной проекциях маршрута стрелы, очерчивающего крест, следовательно, налицо изоморфизм ориентировок. М. М. Маковский отмечает, что в древности символ креста почитался в виде олицетворения единства Неба и Земли, связи трех миров [Маковский, с. 268–269].

Мотивы-ситуации и мотивы-действия в пространственном передвижении персонажей

Примечательно, что в олонхо все три мира структурируются весьма четко, при их суммарном конструировании единая пространственная организация мироздания выглядит как пирамида. Подробное построение геометрической модели мира олонхо описано в исследовании [Сатанар, Илларионов, 2018, с. 471–481]. Структуры трех миров шорского эпоса в текстах представлены слабо: как отмечают исследователи, в силу того, что художественный аспект затмевает мифологические начала [Чудояков, с. 213]. Тем не менее, при внимательном рассмотрении текстов можно обнаружить отрывки мифопоэтических экспозиций с пространственными характеристиками Верхнего и Нижнего миров, представляющих собой точную копию Среднего мира — с горами, степями, морями [ТМТЮС, с. 16].

Пространственные перемещения персонажей в другие миры в шорском эпосе происходят через гору, что является трансформированным вариантом

мотива трехчастного мироздания. Ярким примером последнего служит мотив погребения богатыря на дереве, находящемся на вершине горы:

Шагом поднялись. Поднявшись, затем увидел
Славный Алтын Сырык:
На самой вершине молодой красивой горы
С семьюдесятью перевалами
Золотая лиственница —
Выше семидесяти небес —
Выросла оказывается...
Вершину золотой лиственницы
[К земле] пригнув,
Золотой гроб к ней подвесили.
Когда [вершину] они отпустили,
Тело Алтын Тылчыса
Тридцать небес
Своим сиянием осветило.

[ШГС, с. 383–385, стк. 1330–1336, 1342–1348]

Данный фрагмент отражает два пласта представлений. Эпический аспект заключается во временной ограниченности жизни богатыря, глубинный мифологический аспект — в обрядовом акте, при котором путь к предкам пролегает по мировой оси. Следует отметить, что согласно научным изысканиям В. С. Баевского [1985], А. В. Кудиярова [2002], более мелкий пространственный элемент, обозначаемый как «локус» (дерево), определяет функцию «топоса» (гора) — крупного пространственного элемента [Баевский, с. 213; Кудияров]. В якутском олонхо функциональную роль перехода в другой мир выполняет дополнительный константный элемент *аартык* «теснина, горное ущелье, перевал, дорога, проход» [Пекарский, стлб. 152]. Причем имеют место четыре такие дороги, фиксирующиеся в олонхо с разными локусами, функциональными предназначениями и собственными именами: в сторону восточного неба пролегает «бело-молочная дорога госпожи Иэйиэхсит», ведущая к *Юрюнг Аар Тойону*; в сторону западного неба — «кровавая дорога Кяхтия», ведущая в страну *Улуу Тойона*; «иссушающая дорога Куктуй» ведет к Арсан Дуолаю; в сторону южного неба — «с ледяным дыханием дорога» ведет в страну чар и бедствий [Ойунский, с. 25]. В олонхо описание всех четырех дорог-перевалов сопровождается различными кодовыми конфигурациями.

Как правило, сюжетно-композиционная завязка в пространственном отношении задается пересечением установленных статичных границ богатыря — пространственных сфер *алааса*, усадьбы, жилища (в якутском варианте), направленных снаружи вовнутрь действиями положительных или отрицательных персонажей, или движением самого богатыря изнутри наружу. При этом враждебное нарушение границы обязательно сопровождается последовательностью формул «предупреждающих действий-событий»:

С восьмьярусного
 Желто-белого неба
 Со сквозным ветром студеным
 С западной части нижней,
 С теснинами коварными
 По краям северным,
 Будто шкуру медведя матерого
 С лапами-когтями
 Разложили,
 Черные, страшные
 Темные тучи снежные
 Толстым слоем грозным
 На небе нависли,
 Снегом навалило,
 Градом накатило.

[Ядрихинский, с. 359, стк. 6449–6463]

Такая же событийная последовательность с использованием метеорологического кода реализуется и в завязке шорского эпоса:

Когда [Алтын Кан] свой великий аш пил,
 Земной хребет закачался,
 С края Вселенной гром раздался.
 Буйный ветер подул,
 Буйный ветер поднялся.
 Это услышав, Алтын Кан
 Створчатое окно настежь распахнул и увидел...

<...>

На черно-гнедом коне
 Лучший из богатырей, подобный горе,
 Сидит верхом, оказывается...

[ШГС, с. 327, стк. 82–88, 93–95]

Немаловажное место в организации эпического пространства занимают Солнце и Луна, которые, как правило, присутствуют в описании миров эпоса. Следует заметить, что позиционирование этих светил в качестве атрибута миров служит маркером степени сакральности местности. Исследователи отмечают, что страной высшего божества — молочно-белотелого *Юрюнг Айыы Тойона* является страна с незаходящим солнцем [Емельянов, с. 12], что *Юрюнг Айыы Тойон* источает жару и свет, воспринимается видимым светилом — солнцем [Эргис, с. 132]. Средний мир как солнечная страна воспевается:

По утрам восходящим
 С солнцем лучистым,
 По ночам бегущей
 С луною рядом,

небо желто-белое
Создано-сотворено стоит.
[Ядрихинский, с. 31, стк. 80–85]

Примечательно, что шорский эпос признает нераздельность жизни человека с этими светилами, привязывая данные атрибуты мира, например, к мотиву смерти богатыря:

Через какое-то время
Бело-серый золотогривый конь
По краю черного тумана прошел.
Проходя, всмотревшись, тогда увидел:
На этой земле, бледнея, лучшая из лун умерла,
Синяя, лучшее из солнц умерло.
[ШГС, с. 375, стк. 1130–1135]

В обоих эпосах Солнце и Луна служат своего рода отправными точками Среднего мира в мотивах начала богатырского похода. Приведем фрагмент описания речи-наставления девяти творцов, указывающих маршрут богатырей:

Направо, туда, где солнце восходит.
В сторону Кун-кана ты, Алтын Сырык, поедешь,
Налево, туда, где солнце заходит,
В сторону Ай-кана Алтын Шаппа поедет.
[ШГС, с. 409, стк. 1866–1869]

Общеизвестно использование в обоих традициях образов этих светил в эпических формулах, восхваляющих красоту девушки. Аналогичные клише обнаруживаются также у других народов [Бурькин, с. 24]. В качестве антагониста Верхнего мира Нижний мир в якутских олонхо представлен в следующем виде:

Ну так вот,
по стране племен абаасы,
где и солнце щербатое,
где и луна ущербная,
по сумрачным ее равнинам
легкой трусцой мчась...
очень большое расстояние проехал
[Каратаев, с. 307, стк. 4899–4904, 4913],

— являющемся типовым выражением, характеризующим враждебность места. В шорской традиции подземный мир обозначается тусклым свечением Солнца и Луны. В целом семантика статичных мотивов-ситуаций в обоих эпосах получает полное раскрытие при соприкосновении персонажей с эпическими локусами.

В олонхо путь богатыря описывается при помощи устойчивых эпических формул типа:

Осень по ненастью узнавая,
весну по заморозкам ощущая,
лето по дождю определяя,
зиму по инею распознавая, —
вот так свой путь продолжал.

[Каратаев, с. 120–121, стк. 945–949]

Подразумевается, что здесь закодировано сообщение о времени, а именно что богатырь двигается один год, при этом используются фенологический и метеорологический коды. По замечанию В. М. Гацака, такие «формулы длительности пути определенно обладают свойством хронотопа («времяпространство»)» [Гацак, с. 15]. Для передачи функционального единства описаний пространственно-временной связи В. М. Гацак применяет термин *хроноакт* (*времядействие*) [Там же, с. 16]. В олонхо активно используются и формулы, имплицитно выражающие характер движения — скорость:

Мир срединный проезжал:
Вверх взглянуть — небо,
Вниз взглянуть — небо,
Мир бескрайний пролетал.
В ушах
Будто утки-гоголь
От крыльев летящих
Шумело-гудело,
В лицо-глаза
Будто плетью
Ветром сильным хлестало

[Ядрихинский, с. 189, стк. 3134–3144],

– и указывающие на ускоренное движение. В приведенном отрывке категория скорости оформляется посредством звукового и тактильного кодов. В шорском эпосе время описывается своеобразно:

Краснее красной крови красно-игрневый конь,
Копытами ударив, вперед поскакал.
Быстрее прежнего скачет,
Легче прежнего мчится.
Мало ли скачет, много ли скачет [времени],
За пределы трижды по семьдесят светил,
За пределы трижды по семьдесят ханств выехал.

[ШГС, с. 301, тирада 65, стк. 26–32]

Здесь троекратное пересечение пределов протяжения семидесяти светил и семидесяти ханств указывает на длительность пути при быстром перемещении. В текстах встречается и более эффектное скрытое указание времени:

Лучший из богатырей Алтын Сырык
Юного богатыря от борьбы отстранил,
С Кара Сулазыном снова схватился.
Мало ли прошло, много ли прошло [времени],
Через какое-то время
Понял тогда Алтын Сырык
Дважды по девяносто лет миновало, оказывается.

[ШГС, с. 377, стк. 1188–1194],

или скорости:

— Попробуем побороться, —
Алтын Сырык сказал,
Золотое седло снимая.
Двух коней рядом поставили.
Когда вскачь коней пустили —
Верхушки травы не шелохнулись,
Пыль с земли не успела подняться.

[ШГС, с. 417, стк. 2052–2058]

Фрагменты текстов демонстрируют стилистическое отличие шорской традиции — гиперболический прием, указывающий на количество повторов (дважды, трижды, четырежды), без сомнений, придающих своеобразность языку шорского фольклора.

Выводы

Анализ мифологических экспозиций в эпосах якутов и шорцев показывает наличие в текстах начального времени первотворения, единой трехчастной вертикальной и четырехчастной горизонтальной организации пространственных картин мира, признания акта творения и многослойности структуры мира, общих геометрических форм неба и земли. Пространственные представления в эпосах организуются посредством мотивов с различным языковым оформлением, но с помощью семантических оппозиций, в конечном виде восходящих к единой свернутой серии «хаос – порядок». В текстах наблюдается единый принцип тождества в моделировании пространственных представлений, подчиняющихся общему сакральному центру, наличие антропокосмической метафоры и сходных границ перехода от внутреннего пространства к внешнему, от сакрального к периферийному. Иногда в шорском эпосе встречается организация по принципу изоморфности вертикальной и горизонтальной ориентировок эпического пространства, что является специфической чертой мифологических представлений якутов. Это обстоятельство свидетельствует о наличии общей логики мифологической географии. Пространственно-временные связи представлены самобытно, но идентичность количественных и качественных характеристик сохраняется. Заметны разные стилистические приемы в оформлении эпических формул, обозначающих фольклорное время и пространство. Присутствие

«излюбленных» образов светил в мифологических пластах эпосов восходит к солярным и лунарным культам древнетюркской эпохи. Однако в шорском эпосе отсутствует стройная структура божеств Верхнего мира, мифологические образы, олицетворяющие культ Неба и Солнца, образ первопредка (в отличие от олонхо), которые ярко демонстрируют признаки еще непреодоленного мифа, находящегося в состоянии раннего этапа своего развития. Так, с одной стороны, богатырю шорского эпоса свойственны мифические элементы, с другой, он смертен и его деяния социально обусловлены, т. е. в текстах наблюдается напластование разных эпох. Эпические миры якутского и шорского эпосов отражают различные элементы ландшафта. Если в олонхо пространственными элементами предстают родной *алаас* героя, лес, гора, море, то в шорском эпосе развертывание пространства реализуется с помощью статических локусов гор, морей, пустынь, степей, отражающих географические особенности территорий. Мифологические экспозиции эпосов обладают богатой семиотикой, при этом имеют разную степень развернутости: шорские — емки, лаконичны, якутские же отличаются пространственными, детализированными описаниями.

Источники

Каратаев В. О. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» / вступ. ст. Н. В. Емельянова, В. В. Илларионова ; отв. ред. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; т. 10).

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов) / отв. ред. Н. А. Алексеев. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005.

ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь / подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др. ; под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка : в 3 т. Л. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1.

ШПС — Шорские героические сказания / вступ. ст., подгот. текста, пер., коммент. А. И. Чудоякова ; музыковед. ст. и подгот. нотного текста Р. Б. Назаренко ; отв. ред. Х. Г. Короглы. М. : Новосибирск : Наука, 1998. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; т. 17).

Ядрихинский П. П. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Олонхо / отв. ред. В. В. Илларионов. Якутск : Көмүөл, 2019.

Исследования

Аникин В. П. Теория фольклора: курс лекций : учеб. пособие. М. : Книжный дом Университет, 2004.

Арбачакова Л. Н. Текстология шорского героического эпоса: (На примере материалов Н. П. Дыренковой и А. И. Чудоякова). Новосибирск : Наука, 2001.

Баевский В. С. Художественное пространство в «Евгении Онегине» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. Т. 44, № 3. С. 213–224.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. литература, 1975. С. 234–407.

Благова Г. Ф. Антропонимическая микросистема как проекция космологических и социальных представлений пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.

Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. М. : Наука, 2006. С. 660–751.

Бурькин А. А. К проблематике исследования якутско-тунгусских взаимосвязей в эпосе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 22–30. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.10.14550>

Габьшева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск : Наука, 2009.

Гацук В. М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М. : Наука, 1989.

Гоголев А. И. Основные сюжетные вариации в якутской мифологии // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск : Изд-во ЯГУ, 1988. С. 93–102.

Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940.

Емельянов Н. В. Мифологические божества в олонхо «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» и «Баай Барылаах — дух-хозяин черного леса» // Мифология народов Якутии : сб. науч. тр. / [отв. ред. В. Т. Петров]. Якутск : Якутский филиал СО АН СССР, 1980. С. 17–20.

Избекова Е. И. Числительные в олонхо: структура и семантика. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2014.

Косарев А. Ф. Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Университетская книга, 2000.

Кудияров А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М. : ИМЛИ РАН, 2002.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Невская И. А. Функционально-семантическое поле пространственности в языках Сибири // Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. И. А. Невская. Новосибирск : СО РАН, 1998. Вып. 1. С. 3–17.

Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология : сб. ст. / сост. М. В. Ахметова ; отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2005. С. 9–26.

Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Якутск : Сайдам, 2013.

Протт В. Я. Поэтика фольклора (Собрание трудов В. Я. Протта) / сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартьяновой. М. : Лабиринт, 1998.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoiam. СПб. : Петерб. востоковедение, 2003.

Сатанар М. Т., Илларионов В. В. Структурный анализ локуса основ якутского пантеона божеств // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 571–573.

Сатанар М. Т., Илларионов В. В. Модель мира саха: семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса) // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 6. С. 471–481. <https://doi.org/10.15643/libartus-2018.6.4>

Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика. СПб. : Петерб. востоковедение, 2006.

ТМТЮС — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, 1988.

Токмашев Д. М. Категория пространства в шорском героическом эпосе: лингвокультурологический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 40–58.

Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010а.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010б. С. 318–3821.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие. М. : Наука, 2005.

Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово : Кн. изд-во, 1995.

Эрпус Г. У. Очерки по якутскому фольклору / [отв. ред. д. ист. н. В. Е. Гусев ; отв. за переизд. к. филол. н. В. М. Никифоров]. Якутск : Бичик, 2008.

References

- Anikin, V. P. (2004). *Teoriia fol'klora: kurs leksii: uchebnoe posobie* [Theory of Folklore: A Lecture Course: A Handbook]. Moscow: Knizhnyi dom Universitet.
- Arbachakova, L. N. (2001). *Tekstologiya shorskogo geroicheskogo eposa: (Na primere materialov N. P. Dyrenkovej i A. I. Chudoyakova)* [Textology of Shor Heroic Epos: (With Reference to N. P. Dyrenkova's and A. I. Chudoyakov's Materials)]. Novosibirsk: Nauka.
- Baevsky, V. S. (1985). Khudozhestvennoe prostranstvo v "Evgenii Onegin" [Artistic Space in *Eugene Onegin*]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literaturny iazyka*, 44(3), 213–224.
- Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i hronotopa v romane: ocherki po istoricheskoi pojetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics]. In M. M. Bakhtin, *Voprosy literaturny i estetiki: issledovaniia raznykh let* [Literature and Aesthetics: Studies from Different Years] (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Blagova, G. F. (2006). Antroponimicheskaja mikrosistema kak proektsiia kosmologicheskikh i sotsial'nykh predstavlenij pratiurkov [Anthroponymic Microsystem as a Projection of Cosmological and Social Representations of Proto-Turks]. In E. R. Tenishev, & A. V. Dybo (Eds.), *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskij iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka* [Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. Proto-Turkic Language. The Worldview of the Proto-Turkic Ethnos according to Linguistic Data] (pp. 660–751). Moscow: Nauka.
- Burykin, A. A. (2018). K problematike issledovaniia iakutsko-tunguskikh vzaimosviazej v epose [On Research Issues of the Yakut-Tungus Interconnections in Epos]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie*, 2 (10), 22–30. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.10.14550>
- Chudoyakov, A. I. (1995). *Etiudy shorskogo eposa* [Essays on Shor Epos]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
- Dyrenkova, N. P. (1940). *Shorskij fol'klor* [Shor Folklore]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Press.
- Emelyanov, N. V. (1980). Mifologicheskie bozhestva v olonkho "Potomki Yuryung Ajyy Tojona" i "Baaj Barylaakh — dukh-khozyain chernogo lesa" [Mythological Deities in the Olonkho *Descendants of Yuryung Aiyuy Toyon* and *Baai Barylaakh — the Master Spirit of the Black Forest*]. In V. T. Petrov (Ed.), *Mifologiya narodov Yakutii* [The Mythology of Yakut Peoples] (pp. 17–20). Yakutsk: Yakutskii filial SO AN SSSR.
- Ergis, G. U. (2008). *Ocherki po iakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut Folklore]. Yakutsk: Bichik.
- Gabyшева, L. L. (2009). *Fol'klornyj tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoj pamiaty* [Folk Text: Semiotic Mechanisms of Oral Memory]. Novosibirsk: Nauka.
- Gatsak, V. M. (1989). *Ustnaia epicheskaja traditsiia vo vremeni: Istoricheskoe issledovanie poetiki* [The Oral Epic Tradition in Time: A Historical Study of Poetics]. Moscow: Nauka.
- Gogolev, A. I. (1988). Osnovnye siuzhetnye variatsii v iakutskoj mifologii [The Main Plot Variations in Yakut Mythology]. In *Yazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri* [Language — Myth — Culture of the Peoples of Siberia] (pp. 93–102). Yakutsk: YaGU Press.
- Izbekova, E. I. (2014). *Chislitel'nye v olonkho: struktura i semantika* [Numerals in Olonkho: Structure and Semantics]. Yakutsk: SVFU Publishing House.
- Khrolenko, A. T. (2005). *Osnovy lingvokul'turologii: uchebnoe posobie* [The Bases of Linguoculturology: A Handbook]. Moscow: Nauka.
- Kosarev, A. F. (2000). *Filosofii mifa. Mifologiya i ee evristicheskaja znachimost'* [The Philosophy of Myth. Mythology and Its Heuristic Significance]. Moscow: PER SE; St Petersburg: University Book.
- Kudiyarov, A. V. (2002). *Khudozhestvenno-stilevyje traditsii eposa mongoloiazychnykh i tiurkoiazychnykh narodov Sibiri* [Artistic and Stylistic Traditions of the Epos of the Mongol-speaking and Turkic-speaking Peoples of Siberia]. Moscow: IMLI RAN.

Lvova, E. L., Oktyabr'skaya, I. V., Sagalaev, A. M., & Usmanova, M. S. (Eds.). (1988). *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoj Sibiri: Prostranstvo i vremia. Veshchnyj mir* [The Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia: Space and Time. Real World]. Novosibirsk: Nauka.

Makovsky, M. M. (1996). *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropskikh iazykakh: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: The Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow: Gumanitarnyj izdatel'skij tsentr VLADOS.

Meletinsky, E. M. (2000). *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAN.

Neklyudov, S. Yu. (2005). *Struktura i funktsiia mifa* [The Structure and Function of Myth]. In S. Yu. Neklyudov (Ed.), *Sovremennaia rossijskaia mifologija: sbornik statei* [Contemporary Russian Mythology: Collection of Articles] (pp. 9–26). Moscow: RGGU.

Nevskaya, I. A. (1998). *Funktional'no-semanticheskoe pole prostranstvennosti v iazykakh Sibiri* [Functional-semantic Field of Spatiality in the Siberian Languages]. In I. A. Nevskaya (Ed.), *Shorskaia filologija i sravnitel'no-sopostavitel'nye issledovaniia* [Shor Philology and Comparative Studies] (Iss. 1, pp. 3–17). Novosibirsk: SO RAN.

Ojunsky, P. A. (2013). *Iakutskaia skazka (olonkho), ee suzhet i sodержanie* [Yakut Tale (Olonkho), its Plot and Content]. Yakutsk: Sajdam.

Propp, V. Ya. (1998). *Poetika fol'klora (Sobranie trudov V. Ya. Proppa)* [The Poetics of Folklore: Collected Works of V. Ya. Propp]. Moscow: Labirint.

Putilov, B. N. (2003). *Fol'klor i narodnaia kul'tura; In memoriam* [Folklore and Folk Culture; In Memoriam]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Satanar, M. T., & Illarionov, V. V. (2017). *Strukturnyj analiz lokusa osnov iakutskogo panteona bozhestv* [Structural Analysis of the Locus of the Foundations of the Yakut Pantheon of Deities]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 6 (67), 571–573.

Satanar, M. T., & Illarionov, V. V. (2018). *Model' mira sakha: semantika v rakurse geometrii form (na materiale iakutskogo eposa)* [Sakha Model of the World: Semantics from the Perspective of Geometry of Forms (Based on the Material of Yakut Epos)]. *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal*, 7(6), 471–481. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2018.6.4>

Semenova, L. N. (2006). *Epicheskii mir olonkho: prostranstvennaia organizatsiia i suzhetika* [The Epic World of Olonkho: Spatial Organisation and Plot]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Tokmashev, D. M. (2012). *Kategoriiia prostranstva v shorskom geroicheskom epose: lingvokul'turologicheskij aspekt* [The Category of Space in Shor Heroic Epos: Linguocultural Aspect]. *Bulletin of Tomsk State University*, 3 (19), 40–58.

Toporov, V. N. (2010a). *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy* [World Tree: Universal Sign Complexes] (Vol. 2). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Toporov, V. N. (2010b). *Prostranstvo i tekst* [Space and Text]. In V. N. Toporov, *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy* [World Tree: Universal Sign Complexes] (Vol. 1, pp. 318–382). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Сатанар Марианна Тимофеевна
научный сотрудник сектора
«Олонховедение» Научно-
исследовательского института Олонхо
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
677000, Якутск, ул. Кулаковского, 42
E-mail: satanar68@mail.ru

Satanar, Marianna Timofeevna
Researcher
Department of Olonkho Studies
Olonkho Research Institute
North-Eastern Federal University named after
M. K. Ammosov
42, Kulakovskiy Str., 677000 Yakutsk, Russia
Email: satanar68@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3546-7343>
ResearcherID: AAH-5055-2019